

Ляцкий Евгений Александрович

Стихи духовные. Слова золотые

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Е14

Е14 **Евгений Александрович Л.**
Стихи духовные. Слова золотые / Ляцкий Евгений Александрович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 252 с.

ISBN 978-5-519-94564-6

ISBN 978-5-519-94564-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Духовные стихи въ народной словесности — явленіе своеобразное. По формѣ они сближаются то съ былинной, то съ распѣвной повѣстью и обрядовой пѣснью. По содержанію они поражаютъ своимъ сочетаніемъ чистонароднаго религіозно-поэтическаго раздумья съ книжной легендой христіанства среднихъ вѣковъ; въ послѣднемъ случаѣ они напоминаютъ нѣсколько тѣ искусственные псалмы или канты, которые были такъ распространены на Руси въ XVII в. Съ одной стороны, духовные стихи, подобно былинамъ, хранятъ въ себѣ старинное преданіе, пріобрѣтавшее всѣ свойства народной передачи отъ отца къ сыну; съ другой стороны, подобно произведеніямъ религіознаго характера, они какъ бы намѣренно уклонились отъ богатствъ и красотъ былевого поэтическаго стиля, его яркихъ эпитетовъ, мѣткихъ и живописныхъ сравненій. Въ ихъ медлительномъ и плавномъ теченіи прекрасная народная рѣчь поблѣднѣла въ средствахъ внѣшней изобразительности, но выиграла въ силѣ и сосредоточенности выраженія, замкнулась въ строгой сдержанности заповѣднаго слова, надъ которымъ

воображеніе утратило обычную власть. Подобно обрядовой пѣснѣ, они несутъ въ себѣ освящающій элементъ - культа въ затаившіеся въ народномъ быту пережитки отдаленной старины. Подобно распѣвной повѣсти, они привлекаютъ вниманіе красотой изображаемыхъ подвиговъ, обнаруживающихъ великую мощь духа у богатырей вѣры, стяжавшихъ имъ нетлѣнную, небесную славу, столь далекую отъ славы міра сего. Наконецъ, своимъ драматизмомъ, своей проникновенностью въ темныя глубины человѣческой души они не могутъ не волновать своихъ слушателей изображеніемъ той борьбы противоположныхъ началъ, въ которой побѣда свѣтлаго евангельскаго идеала дается только путемъ великаго искуса, преодолеваящаго соблазны земли. Въ этомъ отношеніи духовные стихи таятъ въ себѣ зародыши народной драмы. Разнообразные по своему составу и господствующему настроенію, духовные стихи разнообразны и по времени происхожденія, — одни изъ нихъ очень древни, въ нихъ обнаруживаются черты, указывающія, что они сложились въ первыя времена христіанства на Руси; другіе создались въ позднѣйшіе вѣка. Не угасло духовное пѣснотворчество и по настоящее время; и теперь еще, гдѣ колеблется и вспыхиваетъ религіозное народное чувство, гдѣ собирается народъ и раскрываетъ душу передъ обаяніемъ чудеснаго разсказа и легенды, въ груди наиболѣе чуткихъ и одаренныхъ натуръ вспыхиваетъ поэтическое одушевленіе, и слагаются пѣсни во славу чудесныхъ явленій вѣры или подвиговъ духовно-нравственной жизни.

Тихи и незамѣтны слагатели и пѣвцы духовныхъ стиховъ. Въ сѣромъ убогомъ рубищѣ, слѣпыя, хромыя, увѣчные, ищущіе Царства Божія на небесахъ, а на

землѣ — милостыни и покрова. Они поютъ о себѣ въ заздравномъ стихѣ:

А мы, нищая братья,
Мы, убогіе люди,
Должны Бога молити,
У Христа милости просити
За поящихъ за кормящихъ,
Кто насъ поить и кормить,
Обуваеъ - одѣваеъ,
Христу славу отсылаетъ.

Въ удѣлѣ имъ досталось здѣсь одно — имя Христово, и пока оно сохраняетъ свою власть надъ людьми, они не переведутся никогда, никогда не замретъ ихъ печальный, надтреснутый голосъ, напоминающій людямъ, что этотъ міръ — тлѣнъ и суета, что онъ служить лишь подножіемъ иному, горнему міру. Эти наши калѣки или калики переходящіе — потомки тѣхъ каликъ, которые въ старину были далеко не „калики“ и не „убогіе“. Въ старину этимъ именемъ обозначались главнымъ образомъ путешественники, странники по святымъ мѣстамъ; недаромъ и въ самомъ словѣ „калика“ звучитъ и память о „калигѣ“ (высокій странническій башмакъ) и о „калигѣ“ — посохѣ. Путешествовать, да еще такъ далеко, какъ во Святую землю, было въ средніе вѣка гораздо труднѣе, чѣмъ нынѣ, и паломники наши должны были имѣть, кромѣ духовнаго тяготѣнія, еще и физическія силы. И дѣйствительно, въ то время какъ для нынѣшняго калики типичной является просьба „призрѣть“ его „нищаго страннаго“, „сослать“ ему „милостыню святую“, прежніе калики были чуть не богатырями, людьми во всякомъ случаѣ смѣлыми, сильными. Отъ былинныхъ богатырей они отличались только рели-

гіознымъ воодушевленіемъ и вѣрностью аскетическому идеалу въ личной жизни. Изъ былинь мы знаемъ, что они образовывали своего рода артели, выбиравшія себѣ атамана. Въ противоположность богатырямъ, тяготѣвшимъ къ стольному граду Кіеву, калики тянулись къ монастырямъ и пустынямъ, гдѣ творилось дѣло „духовнаго строенія“ русской земли :

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжаться,
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ ихъ со каликою.

Входя во „единый кругъ“ товарищества, калики налагали на себя обѣтъ аскетической строгости, брали „заповѣдь великую“: кто украдетъ, или солжетъ, или другой грѣхъ сотворитъ, оставить того въ чистомъ полѣ и закопать по плечи во сыру землю. Такая бѣда и постигла, какъ мы знаемъ, Потяка Михайлу Ивановича.

Связь каликъ переходящихъ съ богатырями сохранена былинами не случайно. Вѣроятно, среди старыхъ каликъ былъ не одинъ богатырь, въ молодости натворившій не мало подвиговъ удалства и буйства и подъ старость рѣшившій замолить свои грѣхи смиреніемъ и молитвой у Гроба Господня. „Съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти“, говоритъ Василій Буслаевичъ, направляясь со всей своей дружиной въ Іерусалимъ. Лѣтописи и грамоты сохранили память о нѣсколькихъ выдающихся по своему положенію лицахъ, названныхъ ими „каликами“, которые, однако, не могли быть „калѣками“, т. е. „искалѣченными“ въ нашемъ смыслѣ. По свидѣтельству псковской лѣтописи (подъ 1341 г.), „калѣка“ Карпъ Даниловичъ предводитель-

ствовалъ отрядомъ дружины—„молодцовъ пѣшихъ“. Вѣроятно же всего, это было прозвище, дававшееся въ связи съ склонностью того или другого лица къ странствіямъ или къ посѣщенію Святой Земли.

Богатыри въ былинахъ часто принимали каличій обликъ. Илья Муромецъ „накрутился“ каликою, идя на бой съ Идолищемъ поганымъ; каликою явился Добрыня Никитичъ на свадьбу жены своей съ Алешей Поповичемъ. И калика переходящій часто является въ воображеніи пѣвцовъ изукрашеннымъ чертами обычной въ былинахъ эпической идеализаціи. Богатырство каликъ-богатырей не только духовное, имѣющее силу творить чудеса, исцѣлять и спасать силою Божьей благодати. Древнѣйшіе изъ каликъ—не просто калики, а „калича“, могучіе витязи, управляющіеся съ врагами земли русской при помощи „ключи въ девяносто пудъ“ или, подобно новгородскому „Пилигримищу“, способные носить на плечахъ колоколъ „въ триста пудъ“, одѣваться въ кафтаны вѣсомъ „въ сорокъ пудъ“. Естественно, что подобные калики-богатыри и видомъ своимъ далеко не походили на тѣхъ „убогихъ“ и нищихъ, которые только и могутъ жить подаеніемъ. Сказитель такъ представлялъ себѣ одного изъ каликъ, у котораго Алеша Поповичъ выпросилъ себѣ платье:

Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожня.

Но и эти столь необычайные признаки силы физи-

ческой являются выражениемъ силы духовной, „нездѣшной“, чародѣйствующей, служащей особымъ цѣлямъ.

Соотвѣтственно ихъ богатырскому облику и обхожденіе каликъ было смѣлое, увѣренное, исполненное сознанія достоинства и силы. Они обладали „зычнымъ“ голосомъ, и когда случалось имъ закричать, то дрожала отъ крика ихъ матушка сыра земля, съ деревьевъ вершины падали, съ теремовъ валились верхи и даже въ погребяхъ „питья всколебались“. Дѣйствіе было необычайное, устрашающее, и неудивительно, что и князья старались не перечить имъ.

Богатырскій элементъ нашихъ старинныхъ каликъ—черта историческая въ томъ смыслѣ, что подъ каликами пѣвецъ, дѣйствительно, разумѣлъ не просто нищихъ, старыхъ и убогихъ, переползавшихъ изъ одного селенія въ другое, а подлинныхъ путешественниковъ во Святую землю. Присмотритесь къ географической обстановкѣ духовныхъ стиховъ. Устойчивостью пользуются въ нихъ, главнымъ образомъ, имена посѣщавшихся каликами святыхъ мѣстъ: Іерусалимъ, Вифлеемъ, Оаворъ, Іордань,—съ которыми не вяжутся случайныя упоминанія объ Ильмень-озерѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, и, зачастую, о самой „святорусской землѣ“. Сохранить память Святой землѣ должно было входить въ соображеніе первыхъ слагателей духовныхъ стиховъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднихъ не могла не отражаться и скрытая, стоявшая на второмъ планѣ, но осязательно чувствуемая цѣль паломничества — стать авторитетнымъ и занимательнымъ рассказчикомъ всего видѣннаго и слышаннаго, обогатить душу впечатлѣніями, чтобы подѣлиться ими съ близкими людьми. Не всѣ могли, подавляя въ себѣ сознаніе своей „грубости и неразумія“, описать

свое путешествие, подобно Даниилу, автору знаменитаго „Хожденія“. Большинство ограничивалось устной передачей, подтверждая достовѣрность своихъ разсказовъ свидѣтельствами отъ „книжнаго списанія“. Общеніе съ книгами и книжными людьми было важнымъ элементомъ путешествій. Въ кружкахъ каликъ бывали часто грамотные люди, которые являлись въ такихъ случаяхъ „вожами и языками“ странниковъ по чужимъ землямъ. „Невозможно,—говорилъ Данииль Паломникъ,—безъ вожа добрѣ ходити и безъ языка добрѣ испытати и видѣти святыхъ мѣстъ“. Послѣдніе принадлежали въ большей части церковнымъ людямъ, тяготѣвшимъ къ монастырямъ и пустынямъ, и литературное вліяніе, несомнѣнно исходившее отъ нихъ, являлось религіозно-нравственнымъ по существу и книжнымъ по формѣ. Мистическая настроенность и мысль о чудесномъ, не покидавшая паломниковъ, дѣлала ихъ воспріимчивыми къ легендамъ, которыхъ множество встрѣчали они на пути. Эти легенды слагались въ одну длинную цѣпь мѣстныхъ христіанскихъ преданій, которыя служили для нихъ лучшимъ путеводителемъ по мѣстамъ земной жизни Христа. Книжныя легенды заимствовались изъ апокрифическихъ сказаній, слывшихъ подъ именемъ „святыхъ книгъ“, отъ мужей „ветхихъ денми“ и „книжныхъ вельми“, читались и перечитывались, запоминались, вырабатываясь въ стиль и ритмъ духовныхъ стиховъ, и въ такомъ видѣ становились достояніемъ устной поэзіи народа. Конечно, въ образованіи духовныхъ стиховъ не было той полной свободы творчества, какая характеризовала собой созданіе былинъ. Однако и въ образованіи духовныхъ стиховъ дѣйствовали тѣ же творческіе инстинкты самобытнаго національнаго чувства, ко-

торое облекало книжное содержаніе обаяніемъ и средствами національной безыскусственной изобразительности.

II.

Эпическая идеализація расцвѣтила и разукрасила внѣшніе признаки каличьяго обихода, но общее впечатлѣніе его сохранилось въ стихахъ и былинахъ отчетливо и исторически вѣрно. Непремѣнной принадлежностью каликъ являлись прежде всего сума и подсумокъ, куда складывался весь мелкій дорожный снарядъ странника, пища и подаяніе. Если сума и подсумокъ „рыта бархата“ были предметами богатырскаго каличьяго обихода, то у обыкновенныхъ каликъ они съ успѣхомъ замѣнялись такими же мѣшками изъ домашней холстины, которые въ домашнемъ быту служили имъ для ссыпки зерна или муки. Важное значеніе имѣло и единственное оружіе, сопровождавшее каликъ—клюка подорожная, костыль („въ косу сажень“), шелепуга, посохъ, съ которыми, по пословицѣ, и „калѣка—не убогъ“. Во время отдыха или общей „думы-бесѣды“ о своихъ дѣлахъ посохи исполняли другую служебную роль, которая сохранилась въ яркомъ бытовомъ штрихѣ былины. Калики—

Становились во единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки исповѣсили.

Такого рода картину и теперь можно наблюдать въ глухихъ уголкахъ Бѣлоруссіи, гдѣ еще сохранились остатки каличьихъ артелей, да на кладбищахъ большихъ городовъ, у сельскихъ церквей на ярмаркахъ, когда сте-

кающаяся съ разныхъ сторонъ нишая братія старается завести въ своей средѣ извѣстный внѣшній порядокъ при распредѣленіи мѣстъ сбора подаенія, а подчасъ и дѣлежа выручки. Входя въ извѣстнаго рода соглашеніе, братія выбираетъ себѣ обыкновенно старосту, который строго оберегаетъ избравшую его группу отъ „чужихъ“. Такого рода калику-старосту изображаетъ одна изъ былинъ въ чертахъ реальныхъ, слегка, можетъ быть, насмѣшливыхъ, но во всякомъ случаѣ чуждыхъ какой бы то ни было идеализаціи.

Ай же ты калика нуньчу старая,
Ты старая калика да матерая,
Матерая калика да сѣдая,
Сѣдая калика да плѣшатая!
Ты дѣли-тко нуньчу дарева...

Другая былина въ такихъ же реальныхъ чертахъ сохраняетъ нѣкоторые моменты неприкрашенной каличьей дѣйствительности:

А и бѣжала калика перехожая,
А отъ того отъ моря отъ студеного,
Алатыря-камешка, алатыря.
Она по три дни бѣжить, по три ночи,
Не пиваючи бѣжить, не ѣдаючи.
Прибѣжала ко маткѣ Елесею рѣки,
Захотѣла калика тутъ попить и поись,
Она попить-поись и тутъ огня добыть,
Огня добыть, платье повысушить.
Не успѣла калика опочиниться,
Накатается вдругъ туча темная,
А бы темна туча, туча грозная...

„Шуба соболиная“ по плечу приходилась не многимъ каликамъ; ближе къ дѣйствительности была „гуня“, дол-

гополый армякъ, въ родѣ тѣхъ, какіе до сихъ поръ кое гдѣ можно видѣть еще на Сѣверѣ, да кафтанъ, вѣроятно, типа западно-русской свитки. Съ успѣхомъ замѣнялась и „шляпа земли греческой“ обычной либо островерхой, либо круглой, складной, суконной или войлочной шапкой, какую и теперь носятъ разнаго рода „хожалые“ люди, офени, богомольцы, „ходоки“, головной уборъ которыхъ долженъ быть и тепелъ, и непромокаемъ, и мягокъ, чтобы его можно было, во время сна, положить подъ голову, какъ подушку.

И западные сородичи нашихъ каликъ переходящихъ, пилигримы, съ которыми они встрѣчались у Гроба Господня, приспособляли свои одѣянiя къ тѣмъ же условiямъ дальняго путешествiя, которыя наложили свой отпечатокъ на типъ нашихъ странниковъ. Во вторникъ на Святой недѣлѣ совершался въ старину на Западѣ обрядъ отпуска пилигримовъ. Участвовавшіе на этомъ обрядѣ должны были являться въ туникахъ (поддѣвкахъ) и „капахъ“ (плащахъ), съ посохами и плащами, въ шляпахъ, причемъ посохъ и сума обозначались, какъ главныя принадлежности пилигрима. Посохъ и сума часто давались тамъ лицами, благословлявшими въ путь. Посохи дѣлались или изъ желѣза, или съ желѣзнымъ наконечникомъ, или съ обитой желѣзомъ гнутой ручкой; лапоткамъ „шелковымъ“ соотвѣтствовали сандалии, „калиги“. Словомъ, западноевропейскіе пилигримы имѣли въ своемъ обиходѣ тѣ же предметы, какъ и наши калики. Самъ по себѣ этотъ фактъ не заслуживалъ бы особаго вниманiя, если бы это было чисто внѣшнее сходство, выработанное общими условiями странническаго обихода. Но сопоставленіе свидѣтельствъ о путешествiяхъ европейскихъ пилигримовъ, или пальмаріевъ,